

Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта в практике отечественного правотворчества и правоприменения

Рыбин А. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
E-mail: al.rybin1@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются механизмы легитимации этических стандартов, установленных в актах «мягкого права», политико-программных документах, международных рекомендациях в процессе правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в российской правотворческой и правоприменительной практике. Цель исследования — выявить роль и степень влияния этических стандартов на легитимацию правовых норм в сфере ИИ в Российской Федерации.

Методология и материалы: в ходе исследования автор обращается к анализу судебной практики арбитражных судов по вопросу применения ИИ и обширному набору нормативного материала, в том числе зарубежным актам «мягкого права». Автор использует как общенаучные методы, так и частно-юридические методы: формально-юридический, использовавшийся при обращении к текстам нормативных актов, актов «мягкого права» и судебной практики, выявления их смысла, их интерпретации, а также сравнительно-правовой метод, применявшийся при оценке рассматриваемых источников «мягкого права», регулирующих взаимоотношения человека с ИИ.

Результаты исследования и их обсуждение: на конкретных примерах показано, как положения этических кодексов и стратегических документов находят отражение в судебной практике и какие проблемы существуют в этом контексте в правотворчестве. Анализируются ситуации аксиологического конфликта и аксиологической когерентности между выражаемой законодателем ценностью эффективности и этическими стандартами, предполагающими приоритет прав человека.

Выводы: автор приходит к выводу о существовании ценностного плюрализма в стратегии легитимации норм, регулирующих ИИ. В заключение подчеркивается, что составление аксиологически согласованной нормативной базы необходимо в той же мере, что и выработка правовых конструкций и оригинальных концепций регулирования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, легитимация, этика, «мягкое право», правовое регулирование, аксиологический конфликт, ценностный плюрализм.

Для цитирования: Рыбин А. И. Легитимация этических стандартов правового регулирования искусственного интеллекта в практике отечественного правотворчества и правоприменения // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 1 (27). С. 26–42. EDN: ZTOTVO

Legitimization of Ethical Standards of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Practice of Russian Law-making and Law Enforcement Processes

Aleksandr I. Rybin

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russian Federation

E-mail: al.rybin1@mail.ru

Abstract

Introduction: The article examines the mechanisms of legitimization of ethical standards established in the acts of “soft law”, policy and policy documents, international recommendations in the legal regulation of artificial intelligence (AI) in Russian law-making and law enforcement practice. The purpose of the study is to identify the role and degree of influence of ethical standards on the legitimization of legal norms in the field of AI in the Russian Federation.

Methodology and materials: In the course of the research, the author refers to the analysis of the judicial practice of arbitration courts on the use of AI and an extensive set of regulatory material, including foreign acts of “soft law”. The author uses both general scientific methods and private legal methods: formal legal, used when referring to the texts of normative acts, acts of soft law and judicial practice, identifying their meaning, interpreting them; as well as the comparative legal method used in evaluating the sources of soft law under consideration, regulating human relations with AI.

Results and discussion: Specific examples show how the provisions of ethical codes and strategic documents are reflected in judicial practice and what problems exist in this context in law-making. The situations of axiological conflict and axiological coherence between the value of effectiveness expressed by the legislator and ethical standards that presuppose the priority of human rights are analyzed.

Conclusions: The author comes to the conclusion about the existence of value pluralism in the strategy of legitimizing the norms governing AI. In conclusion, it is emphasized that the compilation of an axiologically consistent regulatory framework is necessary to the same extent as the development of legal structures and original concepts of AI regulation.

Keywords: artificial intelligence, legitimation, ethics, “soft law”, legal regulation, axiological conflict, value pluralism.

For citation: Rybin, A. I. (2026) Legitimization of Ethical Standards of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Practice of Russian Law-making and Law Enforcement Processes. *Theoretical and Applied Law*. No. 1 (27). Pp. 26–42. (In Russ.)

Введение

Тема искусственного интеллекта (далее также — ИИ) в сфере юриспруденции представлена в настоящее время в различных аспектах, и представляется, что основные вопросы, связанные с правовым регулированием ИИ, либо уже разрешены, либо оставлены без ответа в силу невозможности их разрешения. Однако такое представление может сложиться лишь на первый взгляд, а в действительности в юридической науке продолжается поиск оптимальных решений в целях устранения правовой неопределенности в сфере регулирования искусственного интеллекта.

Стоит отметить, что в настоящее время в отечественном правовом регулировании сферы ИИ предпринимаются лишь первые шаги для выстраивания комплексной и полноценной системы норм, посвященных ИИ. Но даже на этом этапе возникают противоречия между концепцией регулирования, с одной

стороны, и правоприменением — с другой. Для снятия этих противоречий, а также нахождения оптимальных стратегий правового регулирования следует обратить внимание на общую теоретико-правовую концепцию легитимности и ее процессуального аспекта — легитимации. Под легитимацией в настоящей работе понимается процесс признания за нормами права (в том числе «мягкого права») качества действительности. Такое понимание легитимации исследователи формулируют, опираясь на коммуникативное правопонимание, разрабатываемое в отечественной юриспруденции А. В. Поляковым, И. Л. Честновым, В. В. Денисенко и другими авторами. Не углубляясь в полный перечень представителей указанного подхода к пониманию права, кратко отметим, что наиболее известные и цитируемые в отечественной юриспруденции зарубежные представители этого типа правопонимания — это М. ван Хук, Н. Луман, Ю. Хабермас. Причина, по которой в качестве исследовательской рамки была избрана концепция легитимации, состоит в том, что обращение к указанной концепции позволяет оценить эффективность (действенность) устанавливаемых правовых норм, рассмотрев их в контексте правоприменения, а также сделать вывод об их действительности¹.

Методология и материалы

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий общенаучные специальные юридические методы. В частности, формально-юридический метод используется для анализа содержания и логики действующих нормативных актов, регулирующих ИИ, а также актов «мягкого права». Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления подходов законодателей и правоприменителей в части легитимации этических стандартов ИИ в отечественном праве. Эмпирическую базу исследования формирует широкий спектр источников.

Теоретические источники: фундаментальные и актуальные научные публикации по правовому регулированию и этике ИИ, информационному праву и теории легитимации.

Нормативные источники: отечественное законодательство, проекты нормативных и правовых актов, а также зарубежные и отечественные акты «мягкого права».

Правоприменительная практика: анализ решений арбитражных судов Российской Федерации, затрагивающих вопросы применения технологий искусственного интеллекта.

Результаты исследования и их обсуждение. Подходы к правовому регулированию ИИ

В настоящее время существует несколько моделей правового регулирования ИИ². Это множество вслед за И. А. Филиповой корректно редуцировать к двум основным стратегиям правового регулирования данной сферы: во-первых, техническое регулирование технологий ИИ, а во-вторых, юридическое регулирование, при котором выносятся «за скобки» вопросы функционирования самих технологий, а регулируются вопросы взаимодействия человека с ИИ³.

Большинство трудностей в правовом регулировании возникают именно в свете первой стратегии технического регулирования, поскольку она требует учета специфики как юридической, так и технической сферы, что не всегда оказывается возможным. Созданные при таком подходе нормы либо уже на этапе правотворчества оказываются излишне детализированными, либо оказываются непригодными для потенциального правоприменения лицами, не обладающими техническими компетенциями в этой сфере⁴.

¹ Денисенко В. В., Малышкин С. П. Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 16. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14. EDN: AJOOJF

² Матюк Ю. С. Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 2. С. 115.

³ Филипова И. А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 63.

⁴ Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 538–539.

В связи с этим, например, И. Н. Тарасов указывает, что существенным недостатком таких норм является «сугубо неюридический (технический)» характер. Это приводит к тому, что такие нормы и теоретические модели не отражают природы и сущности ИИ с точки зрения науки права⁵. Социальное же регулирование не затрагивает, как правило, технические аспекты и поэтому оказывается менее противоречивым. Однако такая непротиворечивость подтверждается лишь до тех пор, пока не происходит ее проверка на практике. Поэтому и у этой стратегии в настоящее время также имеются свои слабые стороны.

Если правотворчество является процессом более-менее планомерным, не ограниченным в той же мере строго по времени, как и правоприменение, то в случае разрешения споров существуют более строгие ограничения, которые обуславливают более оперативный поиск приемлемого распределения прав, обязанностей и ответственности. Правоприменительная практика в Российской Федерации в части применения средств, работающих на основе ИИ, также начинает складываться. При этом часто судам приходится выносить решения в контексте правовой неопределенности, что может приводить к неоднозначным решениям. В таких условиях актуализируется обращение к этическим стандартам правового регулирования, которые обеспечивают корректные и непротиворечивые решения даже в рамках правовой неопределенности. Обычно такие стандарты принимаются в формате «мягкого права», в форме политико-программных документов, рекомендательных актов международного права.

Правовое регулирование средствами «мягкого права»

Мягкое право (“soft law”), также известное под рядом других обозначений⁶, представляет собой совокупность норм и стандартов, с одной стороны, не обеспеченных государственным принуждением, но, с другой стороны, оказывающих значительное влияние на формирование юридических практик и политики за счет добровольного их принятия и исполнения их адресатами⁷.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на необязательность таких закрепленных этических принципов, предполагается, что «мягкое право» будет соблюдаться в практике правотворчества и правоприменения. В данном случае будет верно и обратное суждение: если такие этические принципы не будут соблюдаться или будут искажаться в юридической практике, то это будет свидетельствовать о делегитимации таких этических оснований правовых норм, связанных с ИИ. Поэтому если фактически такое «мягкое право» не будет действовать, то возникнет вопрос, во-первых, о существовании аксиологической системы, на которую опирается законодатель, а во-вторых, — в случае положительного ответа на первый вопрос — о выявлении таких ценностей, на которые законодатель опирается. Тем не менее отметим, что отчасти такие ценности могут быть обнаружены не только в актах «мягкого» права. В соответствии с ч. 3 ст. 80 Конституции Российской Федерации, Президент РФ определяет направления внутренней и внешней политики страны, в том числе направления правотворчества. Помимо этого, Правительство РФ, некоторые федеральные органы исполнительной власти на подзаконном уровне создают нормативно-правовую базу, определяющую основные направления правового регулирования, в том числе в сфере ИИ (концепции, стратегии и другие документы). В литературе такие акты называются политико-программными документами⁸. Применительно к ИИ такие документы будут рассмотрены ниже.

Некоторые авторы указывают на бóльшую привлекательность такого мягко-правового регулирования в сравнении с «жестким» правом. В частности, Ж. Нолан указывает, что использование «мягкого права» может быть более привлекательным для заинтересованных лиц (например, государственных органов и бизнеса), поскольку при создании таких актов с большей степенью вероятности могут быть закреплены желаемые цели сторон, направленные к наилучшему из возможных сценариев с некоторыми ограничениями, в отличие от жесткого регулирования, предусматривающего юридическую ответственность

⁵ Тарасов И. Н. Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 1. С. 125.

⁶ Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. М., 2017. С. 73.

⁷ Фогельсон Ю. Б. Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 22–23.

⁸ См.: Пляхивович И. И. Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 78–87.

и не всегда отвечающего потребностям адресатов таких норм⁹. Кроме того, К. Эббот и Д. Снайдел к преимуществам мягко-правового регулирования относят, во-первых, бóльшую гибкость в вопросах принятия новых норм в сравнении с жестким правом, требующим прохождения проектом нормативного акта особой, более сложной и продолжительной процедуры законотворчества, а во-вторых, за счет большей оперативности позволяет более эффективно преодолеть правовую неопределенность, присутствующую в их правоотношениях¹⁰. Другое преимущество подчеркивают А. Гузман и Т. Мейер, отмечающие неочевидную полезность «мягкого права» для национального уровня правового регулирования: в условиях отсутствия жестко-правового регулирования государства могут согласиться с устанавливаемым мягко-правовым регулированием, а по прошествии времени, если «мягкое право» покажет свою результативность, такой мягко-правовой режим может быть легализован в качестве диспозитивных норм на уровне закона¹¹.

В отечественной литературе перспективность развития «мягкого права» поддерживает Ю. А. Тихомиров. Он пишет: «Речь идет об усилении начал саморегулирования в праве за счет широкого применения норм-целей, норм-принципов, норм-стимулов и норм-поощрений<...> Можно прогнозировать сближение принципов, институтов и норм национального, регионального и международного права»¹².

«Мягкое право» и конвенционное регулирование на глобальном уровне

Наряду с «мягким правом» можно выделить также конвенционное регулирование на глобальном (надгосударственном) уровне. Несмотря на то что понятие «конвенционное регулирование» как самостоятельное не выделяется в теории права, оно всё же употребляется в некоторых отечественных юридических статьях¹³. В этих публикациях оно раскрывается как правовое регулирование на основе отправных норм (норм-принципов, норм-деклараций, норм-дефиниций), осуществляемое, как правило, на надгосударственном уровне. Таким образом, отличием конвенционного регулирования является уровень обязательности и легитимности таких актов: если неисполнение предписаний «мягкого права» может обернуться главным образом репутационными издержками для такого субъекта права, то неисполнение конвенции, если она была ратифицирована, может подразумевать иные средства принуждения и меры ответственности. Хотя есть и некоторое сходство с «мягким правом», свойственное для деклараций и конвенций надгосударственного характера, состоящее в отсутствии строгой императивности таких актов.

Примером конвенционного регулирования является Рамочная конвенция Совета Европы «Об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права» № 225 от 17 мая 2024 года. Цель Конвенции состоит в приведении деятельности, связанной с жизненным циклом систем ИИ (разработка, администрирование, использование и т. д.), осуществляемой на территории стран-участниц, в совместимость с правами человека, демократией и верховенством права. По состоянию на май 2025 года ее подписали 11 государств — членов Совета Европы. К числу подписантов присоединились также Канада, Израиль, Япония, США, Уругвай и Европейский Союз как самостоятельная организация¹⁴.

Конвенция устанавливает обязанности для сторон, в соответствии с которыми они должны представлять регулярные отчеты о мерах, принятых для исполнения Конвенции. Согласно ст. 23

⁹ Nolan J. The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. University of New South Wales Faculty of Law Research Series. 2013. Working Paper 73. URL: <http://law.bepress.com/unswwps-flrps13/73>. P. 142.

¹⁰ Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54. No. 3. Pp. 421–456.

¹¹ Guzman A. T., Meyer T. (2016) Soft Law. Economic Analysis of International Law. Cheltenham, UK; Edward Elgar Publishing. P. 134.

¹² Тихомиров Ю. А. Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие. М., 2018. С. 80.

¹³ См., напр.: Стригунова Д. П. Подрядные договоры в сфере международного строительства // Гражданское право. 2025. № 1. С. 10–13; Антонович Е. К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 172–180; Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex Russica. 2020. № 7. С. 115–126.

¹⁴ Chart of Signatures and Ratifications of Treaty 225: Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law // Council of Europe Website. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=225> (дата обращения: 10.09.2025).

Конвенции, эти отчеты направляются в Конференцию Сторон, которая и является механизмом последующего контроля. Кроме того, в соответствии со статьями 8 и 26, каждая сторона создает или назначает один или несколько эффективных механизмов (органов или должностных лиц) для контроля за соблюдением обязательств по Конвенции¹⁵. Таким образом, в рамках конвенционного регулирования устанавливаются обеспечительные и контрольные механизмы для устанавливаемых правовых норм. Что касается содержания норм Конвенции, помимо уже рассмотренных технических положений, устанавливающих особенности отчетности и контроля, корректно было бы сказать, что устанавливается общая концепция правового регулирования ИИ, основанная на признании главенства прав и свобод, демократическом строе и верховенстве права. В Конвенции устанавливаются соответствующие принципы правового регулирования, средства правовой защиты в случае нарушений прав человека, возникших вследствие эксплуатации ИИ, а также нормы, посвященные управлению рисками. Лишь с долей условности можно квалифицировать Конвенцию как документ, устанавливающий этические стандарты правового регулирования. Конвенция опирается на некоторую ценностную матрицу либерально-демократических ценностей, которые отчасти закреплены в ее названии. Однако о том, как исполняются нормы данной Конвенции (и исполняются ли), как воплощаются этические стандарты, вести речь пока преждевременно в силу новизны данного акта.

Актами «мягкого права» глобального уровня некоторые исследователи признают акты Генеральной Ассамблеи ООН, а также аналогичные акты других международных организаций, которые имеют рекомендательный характер¹⁶. Примером акта «мягкого права» глобального уровня, посвященного регулированию ИИ, является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 марта 2024 года «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». В отличие от рассмотренной Конвенции этот акт не устанавливает обязанностей сторон по предоставлению отчетности и учреждению контрольных органов по обеспечению исполнения установленных норм. Также установленная Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН отличается сугубо рекомендательным характером. В частности, в п. 6 этой Резолюции рекомендуется странам-участникам: «<...> Содействовать развитию безопасных, защищенных и надежных систем ИИ на инклюзивной и равноправной основе и на благо всех и создавать благоприятные условия для таких систем в целях решения наиболее серьезных мировых проблем, включая обеспечение устойчивого развития<...>»¹⁷. Аналогичные рекомендации по достижению тех же целей указаны и для коммерческих и государственных организаций стран-участниц.

Этическая составляющая данного акта «мягкого права» также остается не вполне определенной. С одной стороны, акт основывается на определенной ценностной матрице, несколько отличающейся от ценностной матрицы Конвенции: в данном случае речь идет, в большей мере, про устойчивое развитие. С другой стороны, сам по себе рекомендательный характер не устраняет некоторой обязывающей силы Резолюции для тех сторон, которые подписали ее.

«Мягкое право» регионального уровня

Схожая с рассмотренной Резолюцией Генассамблеи ООН структура обнаруживается в актах «мягкого права» регионального уровня. Однако на региональном уровне может наблюдаться более выраженная этическая составляющая таких актов. Особенно обстоятельно мягко-правовое регулирование представлено на территории Европейского Союза. К таким документам можно отнести: Европейскую этическую хартию «Об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях», принятую на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности

¹⁵ Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS № 225) // Council of Europe Website. URL: <https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/the-framework-convention-on-artificial-intelligence> (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁶ Кашлач О. В. Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 28–29.

¹⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/78/L.49 от 11 марта 2024 г. «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». Нью-Йорк: ООН, 2024. 10 с. С. 6–8.

правосудия¹⁸, Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту от 22.05.2019¹⁹, Этические принципы для надежного ИИ, разработанные экспертной группой высокого уровня по искусственному интеллекту в рамках работы Европейской Комиссии²⁰. Перечисленными актами, безусловно, не ограничивается круг актов, регламентирующих сферу ИИ на территории ЕС, однако перечисленные выше акты представляются наиболее репрезентативными для описания актов «мягкого права».

Анализ трех документов показывает, что все они не устанавливают жестких правовых императивов, а носят рекомендательный характер. Документ ОЭСР (OECD Recommendation on Artificial Intelligence, OECD-LEGAL-0449) закрепляет принципы ответственного управления ИИ и формирует рамку для национальной политики, не являясь юридически обязательным актом²¹. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении также имеет характер «мягкого права» и ориентирует государства на добровольное следование принципам прозрачности, недискриминации, уважения прав человека и сохранения контроля человека над алгоритмами²².

Документ Европейской комиссии “Ethics Guidelines for Trustworthy AI” 2019 года подготовлен Группой высокого уровня по ИИ и определяет три составные элемента «достоверного ИИ»: законность, этичность и техническая/социальная надежность. Основное внимание уделено именно этическим и устойчивым аспектам, а не юридически обязательным нормам. Руководство выделяет четыре принципа: уважение человеческой автономии, предотвращение вреда, справедливость и объяснимость. Они конкретизированы через семь требований (прозрачность, подотчетность, недискриминация, защита данных и пр.), применимых к полному жизненному циклу систем ИИ.

Помимо самого ИИ, документы затрагивают более широкий круг вопросов: защиту фундаментальных прав, влияние на демократию, рынок труда, социальное доверие и устойчивое развитие. Этические ценности, на которых они основываются, включают человеческое достоинство, свободу, равенство, недискриминацию, прозрачность, справедливость и ответственность перед обществом и будущими поколениями. Таким образом, все три акта ориентированы на формирование общих рамок доверия и ответственного использования технологий ИИ.

Иной подход отражен в «Модельном законе о технологиях искусственного интеллекта», утвержденном Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 18.04.2025 № 58-8. Он охватывает весь жизненный цикл технологий ИИ и закрепляет не только принципы этики (антропоцентричность или приоритет прав и свобод человека, прозрачность, предосторожность, недискриминацию), но и императивные правовые нормы. Среди них — обязательное страхование ответственности при высокорисковой деятельности, система оценки и категоризации рисков, запрет на использование технологий с неприемлемым уровнем угрозы, а также установление солидарной ответственности разработчиков, операторов и собственников²³. Поэтому модельный закон формирует нормативную основу с конкретными обязанностями и мерами ответственности, опираясь при этом на ценности защиты прав человека, безопасности, справедливости и устойчивости, что уже не вполне укладывается в специфику регулирования «мягкого права».

Проанализированные документы демонстрируют два подхода: акты, действующие на уровне Европейского Союза, в большей мере относятся к сфере «мягкого права», формулируя лишь принципы ответственного и этичного использования ИИ без установления юридической ответственности за их невыполнение. В них акцент сделан на правах человека, прозрачности, недискриминации и справедли-

¹⁸ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях № СЕРЕJ(2018)14, принятая ЕКЭП 3 декабря 2018 г. Страсбург, 2018. 64 с.

¹⁹ OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019) // OECD Legal Instruments website. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁰ High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. Brussels: European Commission, 2019. 41 p.

²¹ OECD Recommendation on Artificial Intelligence (2019) // OECD Legal Instruments website. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 20.09.2025).

²² Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях №. СЕРЕJ(2018)14, принятая ЕКЭП 3 декабря 2018 г. Страсбург, 2018. 64 с.

²³ Модельный закон о технологиях искусственного интеллекта: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 58-8 от 18 апр. 2025 г. // Сайт МПА государств-участников СНГ. URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 23.09.2025).

ности. В отличие от них, Модельный закон МПА государств-участников СНГ, хотя и является примерным ориентиром для национальных законодателей и не может быть применен напрямую, содержит императивные нормы и закрепляет механизмы ответственности, сохраняя при этом на уровне установления принципов правового регулирования этическую составляющую.

«Мягкое право» на корпоративном уровне на примере «этических кодексов»

Потенциал «мягкого права» особенно раскрывается в контексте правотворческой деятельности корпораций, которые, с одной стороны, не уполномочены на участие в правотворческом процессе, а с другой стороны, оказывают сильное влияние на динамику правовых и экономических отношений, связанных с ИИ. Поэтому «мягкое право» в этой ситуации оказывается инструментом своего рода опережающего нормотворчества, влияющим на формирование внутренней политики и практики корпораций. К числу таких актов относятся корпоративные кодексы этики, стандарты, рекомендации. Их цель — закрепление ценностей ответственности, прозрачности и устойчивости, что должно способствовать укреплению доверия акционеров, партнеров и общества.

Примером подобного мягко-правового подхода выступают Асиломарские принципы, принятые 11 августа 2017 года по результатам конференции в Асиломаре в США, в которых выделяются тематические разделы, охватывающие вопросы проведения исследований, этики, ценностей и долгосрочных перспектив развития ИИ. Указанные принципы структурированы по нескольким направлениям, включая проведение исследований, этико-ценностные ориентиры и вопросы долгосрочного развития. Документ имеет форму «открытого письма», доступного для присоединения широкого круга заинтересованных лиц. По состоянию на сентябрь 2025 года его поддержали 5720 подписантов²⁴.

Кроме того, значимым актом «мягкого права» корпоративного уровня является документ, подготовленный в 2017 году Институтом инженеров электротехники и электроники (IEEE), под названием «Искусственный интеллект: исследования, разработки и регулирование», в котором формулируются рекомендации для исследователей и разработчиков ИИ-систем²⁵.

Соответствующее правовое регулирование осуществляется также отдельными коммерческими корпорациями. Например, принципы ИИ от Google. Эти принципы подразумевают семь ориентиров для разработчиков ИИ, а также четыре запрета, которых обязуется придерживаться данная корпорация²⁶.

Подобные акты оказывают существенное влияние на формирование этико-правового дискурса в области ИИ в силу их популярности и международной поддержки.

Таким образом, особенностью «мягкого права» на корпоративном уровне является его самообязывающий характер: обязательность норм формируется посредством внутреннего самоограничения для акторов, признавших его в качестве обязательного. Адресатами таких положений выступают сами субъекты, их разработавшие, что придает корпоративным актам особую специфику: сочетание добровольности с фактической обязательностью внутри организации.

«Мягкое право» на национальном уровне на примере России

В Российской Федерации на настоящий момент могут быть выделены два основных источника «мягкого права». Первым и основным актом «мягкого права», действующим в Российской Федерации, является «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» (далее также — Кодекс)²⁷. Правовой харак-

²⁴ Asilomar AI Principles // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁵ Institute of Electrical and Electronics Engineers // IEEE Global Public Policy. URL: <https://globalpolicy.ieee.org/wp-content/uploads/2017/10/IEEE17003.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

²⁶ AI at Google: our principles // URL: <https://blog.google/technology/ai/ai-principles/> (дата обращения: 23.07.2024).

²⁷ Кодекс этики в сфере ИИ // Сайт Альянса в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

тер этого документа можно обосновать через устанавливаемые для применения положений данного Кодекса специальные процедуры, возможность присоединения к реализации этого документа, а также установление специального органа, способствующего ее реализации, — Комиссии по реализации Кодекса в сфере этики ИИ.

Второй акт «мягкого права» в Российской Федерации появился после создания Кодекса — Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта²⁸. Белая книга была разработана Национальной комиссией по реализации Кодекса этики в сфере ИИ на базе Альянса в сфере ИИ. Как указывается в самой Белой книге, назначением этого акта при его создании было сведение в один акт всех самых актуальных вопросов, касающихся регулирования жизненного цикла деятельности, связанной с ИИ, и предложение ответов на них. В сравнении с Кодексом этики Белая книга является более обширной по своему содержанию, однако в ней не устанавливаются конкретных обязанностей, а, скорее, указываются подходы к разрешению этических дилемм.

Обратимся к Кодексу этики в сфере ИИ. Некоторые положения первого раздела, устанавливающего этические принципы обращения с ИИ, перекликаются с рядом источников «жесткого» права. Следует отметить, что такие источники относятся к подзаконному уровню регулирования, а также могут быть охарактеризованы как политико-программные документы²⁹. К таким относятся, например, Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года (далее — Концепция)³⁰ и Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Национальная стратегия)³¹. Как видно, помимо регулирования посредством норм «мягкого права» такие этические рекомендации устанавливаются и на уровне подзаконных актов (концепций и стратегий). И в Концепции, и в Национальной стратегии, и в Кодексе встречается требование идентификации ИИ при взаимодействии с человеком. В Кодексе указывается, что разработчикам рекомендуется осуществлять добросовестное информирование пользователей об их взаимодействии с системой искусственного интеллекта (СИИ), когда это затрагивает вопросы прав человека и критических сфер его жизни. Более того, этот принцип идентификации объясняется необходимостью предоставления пользователю возможности прекращать такое взаимодействие по своему желанию³². Это положение будет рассмотрено в контексте судебной практики и законопроектной деятельности в качестве индикатора следования таким установленным этическим стандартам на практике.

Несмотря на непосредственную функцию «мягкого права» по ориентированию законодателя в отношении стратегии правового регулирования, также следует отметить исследовательский потенциал «мягкого права» в контексте легитимации норм об ИИ. Так, легитимация правовой нормы предполагает три основных этапа: когнитивный, аксиологический и коммуникативный³³. Иными словами, для того чтобы норма была признанной, ее необходимо сначала идентифицировать как правовое предписание, соотнести ее с существующими ценностями и в действии выразить свое согласие или несогласие с ней.

«Мягкое право», устанавливающее этические стандарты правового регулирования взаимодействия человека с ИИ, таким образом, оказывается тем ценностным ориентиром, который может задавать направление правового регулирования. Соотнесение конкретной правовой нормы с этическими стандартами, установленными источниками «мягкого права», открывает возможность оценки принимаемых правовых норм на предмет легитимации таких ценностей. Например, если норма закона или правоприменительное решение не соответствует тем этическим ценностям, которые государство само же и обя-

²⁸ См.: Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.

²⁹ Пляхивич И. И. Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 81.

³⁰ Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 августа 2020 г. № 35, ст. 5593.

³¹ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

³² Кодекс этики в сфере ИИ // Сайт Альянса в сфере ИИ. URL: <https://ethics.a-ai.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

³³ Ветютнев Ю. Ю. Коммуникативные формы правового признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография. М., 2016. С. 94–95.

залось соблюдать, значит имеет место аксиологический конфликт³⁴. Он может свидетельствовать о риске постепенной утраты легитимности такой нормы.

Для разъяснения представленной теоретической модели обратимся к конкретному примеру обнаруженного аксиологического конфликта между такими этическими стандартами и правотворческой практикой, а также отражением таких ценностей в практике правоприменения и законопроектной работы.

Легитимация этических стандартов регулирования ИИ в судебной практике и законопроектной деятельности

Для иллюстрации представленных утверждений обратимся к практике применения Федерального закона от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности...» (далее — Закон), который вызвал споры вокруг использования средств, работающих на основе ИИ. Дело в том, что в статье 4 Закона установлен закрытый перечень способов взаимодействия с должником. И в соответствии с частью 2 статьи 4 упомянутого Закона дополнительные формы взаимодействия должны предусматриваться письменным соглашением между должником и кредитором (представителем кредитора)³⁵. В августе 2023 года п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона был дополнен новым способом взаимодействия — посредством автоматизированного интеллектуального агента³⁶, а иными словами — телефонного бота на искусственном интеллекте, умеющего поддержать разговор. Однако до момента вступления в силу предложенных изменений (февраль 2024 года) в практике правоприменения обсуждалось, соответствует ли использование такого робота-коллектора положениям рассматриваемого Закона.

Например, в Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 января 2024 г. по делу № А58-4021/2023 установлено, что банком допущены нарушения требований Закона № 230-ФЗ в связи с «использованием метода взаимодействия с применением искусственного интеллекта (робота-коллектора), при котором *должник или третье лицо не подозревают* (курсив — авт.), что диалог происходит не с человеком — сотрудником банка, а с компьютерной программой, имеющей признаки искусственного интеллекта, которая при этом выдает себя собеседнику за человека, задает вопросы, на которые получает ответы, а также воспринимает произносимую в ответ речь, то есть ведет себя как человек, не относится ни к одному из способов, установленных частью 1 статьи 4 Закона № 230-ФЗ, а является иным способом взаимодействия, для использования которого необходимо письменное соглашение»³⁷. Аналогичная аргументация встречается и в иных судебных постановлениях, в которых признается неправомерность использования таких роботов-коллекторов в связи с тем, что должник должен иметь информацию о том, с кем он ведет беседу³⁸.

В описанных случаях суды занимают именно ту позицию, которая описывается в рассмотренном Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта и Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года. Так, в п. 2.5 Кодекса указывается требование идентификации ИИ при взаимодействии с человеком. Суды, формально не ссылаясь на перечисленные акты, устанавливающие этические стандарты правового регулирования ИИ, приходили, однако, к тем же выводам. Таким образом, посредством деятельности су-

³⁴ Кожокар И. П. Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 167–168.

³⁵ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“» // Российская газета. 2016. № 146.

³⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности“ и о внесении изменений в Федеральный закон „О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях“» от 04.08.2023 № 467-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6199.

³⁷ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 23 января 2024 г. по делу № А58-4021/2023 // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/72a14511-cb42-4df5-ba3c-9fb5b248a8f5> (дата обращения: 20.03.2025).

³⁸ См., например: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2023 г. по делу № А33-24168/2023; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2023 г. по делу № А58-6729/2023; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № А33-18544/2023; Решение Арбитражного суда Амурской области от 15 ноября 2023 г. по делу № А04-8500/2023.

дов происходила легитимация и утверждение на практике таких этических стандартов взаимодействия человека с ИИ.

Вероятно, в связи с формированием правоприменительной практики, которая могла рассматриваться как произвольное восполнение правового пробела, в Государственную Думу РФ поступил законопроект, расширяющий перечень допустимых способов взаимодействия коллекторов с должниками без получения их письменного согласия. Рассматриваемый перечень был дополнен взаимодействием с автоматизированным интеллектуальным агентом.

Еще на этапе подготовки текста законодательных изменений стороны, задействованные в законодательном процессе, предлагали оригинальные этические аргументы, представляющие ситуацию иначе, чем это было сделано в судебной практике. Например, представители Общественной палаты Российской Федерации в заключении на законопроект указывали: «Законопроект <...> накладывает обязанность по раскрытию должнику информации о том, что с ним взаимодействует искусственный интеллект, что не позволит осуществлять его широкое использование, так как зачастую граждане, не слушая информацию, предоставляемую интеллектуальным помощником, заканчивают взаимодействие». Позиция Общественной палаты РФ в этом контексте апеллировала к иным ценностным основаниям: «Нормы, уточняющие порядок использования современных информационных технологий в ходе внесудебного взыскания задолженности, препятствуют их развитию»³⁹. Таким образом, на этапе изменения законодательства можно увидеть прямо противоположные аргументы, которые обосновывают допустимость такого введения в заблуждение граждан-должников по иному основанию — основанию эффективности права. Эти доводы, повлиявшие на финальную редакцию норм о таком интеллектуальном агенте (роботе-коллекторе), образуют аксиологическое противоречие с приведенным предписанием Концепции, поскольку при взаимодействии с должниками, очевидно, затрагиваются их права, и поэтому они, с позиции этики, должны быть уведомлены.

Вследствие вступления в силу рассмотренных изменений законодательства кардинально изменилась и судебная практика. Так, уже в Постановлении Седьмого ААС от 11 июня 2024 г. № 07АП-2790/24⁴⁰ Апелляционная инстанция, не найдя оснований для изменения решения суда первой инстанции, указывает со ссылкой на изменения законодательства, что «взаимодействие с использованием робота-коллектора, имитирующего телефонный разговор в форме диалога, по существу является непосредственным взаимодействием с должником» и не требует дополнительных уведомлений должника или его представителя.

Если в контексте судебной практики разрешения споров в отношении ИИ был сделан вывод о легитимации установленных в актах «мягкого права» этических принципов, то закономерно было бы предположить, что рассмотренный случай правового регулирования, который вступает с ними в противоречие, следует квалифицировать как обратный процесс — делегитимации этических принципов, а также актов «мягкого права» и нормативных актов стратегического планирования. Тем не менее в данном случае возможна и другая интерпретация в контексте теории легитимации права.

Дело в том, что и в ходе законотворчества, и в ходе правоприменения приводились ценностные основания. Ни в одном случае не просматривались произвольные или случайные решения. Кроме того, сами по себе ценности эффективности правового регулирования и защиты прав человека не противостоят друг другу. Однако если для правоприменителя важно было установить баланс интересов и защитить «слабую» сторону — должника, то для законодателя закономерным оказался интерес в развитии системы норм об ИИ, а также увеличении их эффективности. Поэтому мы можем констатировать, во-первых, зависимость ценностей от вида юридической деятельности (правотворчества, правоприменения, толкования и т. д.), а во-вторых, ситуацию ценностного плюрализма, которая предполагает как минимум две стратегии легитимации норм об ИИ: легитимацию через эффективность норм и легитимацию через приоритет прав человека (защиты интересов слабой стороны).

³⁹ Страница законопроекта № 190070-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/190070-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁰ Постановление Седьмого ААС от 11 июня 2024 г. № 07АП-2790/24 // Картотека арбитражных дел. <https://kad.arbitr.ru/Card/e279cd78-7c69-4d2a-8f88-3ce6385e3c63> (дата обращения: 20.09.2025).

Тем не менее не во всех случаях законопроектной работы, связанной с ИИ, происходит делегитимация этических норм. В качестве положительного примера можно привести рассмотрение законопроекта № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний)». В пояснительной записке к законопроекту указывалось: «Законопроект позволит существенно снизить расходы политических партий в период предвыборной агитации, поскольку использование таких технических решений облегчает процесс получения соответствующих услуг, делает их оперативными и в значительной степени удешевляет их»⁴¹. Из приведенной формулировки следует, что основной ценностью, которой руководствуются авторы законопроекта, является ценность экономии, в частности, экономии средств при проведении избирательных компаний. Однако использование ИИ в обстоятельствах избирательной кампании также является вопросом этического характера, поскольку в условиях использования продуктов деятельности ИИ, которые в настоящее время оказываются трудноотличимыми от обычных фото- и видеосъемки, избиратели могут быть легко введены в заблуждение в значимом выборе, хотя обязанность их уведомления всё же предусматривается законопроектом. Приведенный пример использования ИИ подпадает под принципы, установленные в отечественном Кодексе этики в сфере ИИ. В частности, принцип уважения автономии и свободы воли человека (п. 1.2. Кодекса), заключающийся в необходимости использования ИИ с учетом «сохранения автономии и свободы воли человека в принятии им решений, права выбора».

Законопроект был отклонен после первого чтения по двум основным аргументам. Во-первых, причина технико-юридического характера: законопроект не предполагает конкретных требований к содержанию результатов использования ИИ, поэтому не представляется возможным определить объем регулирования порядка использования ИИ на подзаконном уровне.

Во-вторых, как отметил в своем Заключении Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона, «допустимость использования изображений любых физических лиц без их письменного согласия в агитационных материалах в случае, если такое изображение создано с помощью технологий ИИ, не только не учитывает конституционные установления, гарантирующие право на неприкосновенность частной жизни, но и не исключает возможности искажения истинных слов и жестов кандидатов, что может повлиять на волеизъявление избирателей»⁴².

И в-третьих, и Правовое управление, и Комитет по государственному строительству ссылаются на акты Конституционного Суда РФ, посвященные правовому регулированию избирательного процесса. И если Правовое управление делает акцент на «несоразмерность избранных законодателем средств преследуемым целям», то есть снятия запретов для снижения расходов на избирательную кампанию⁴³, то Комитет, ссылаясь на позиции КС РФ, делает акцент в большей мере на этические аргументы: недопустимость формирования у избирателей искаженного представления об участвующем в избирательном процессе кандидате, а также на обеспечение равенства прав кандидатов и защиту прав и интересов граждан, не являющихся кандидатами, за счет установления запретов, которые законопроект предполагает снять.

Таким образом, в рамках законопроектной работы обнаруживаются также две противоположные тенденции: с одной стороны, игнорирование этического стандарта уведомления человека о взаимодействии с ИИ при регулировании т.н. «роботов-коллекторов» в угоду повышению эффективности норм о взыскании просроченной задолженности, а с другой стороны, принципиальное отклонение законопроекта, предлагающего снижение затрат кандидатов в рамках избирательной кампании (по сути, то же повышение эффективности, но в экономическом ключе) на основании тех аргументов, которые были

⁴¹ Страница Законопроекта № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴² Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству на проект федерального закона № 467977-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴³ Заключение Правового управления на проект федерального закона № 467977-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8> (дата обращения: 20.09.2025).

проигнорированы в первом случае, — недопущения введения граждан в заблуждение при взаимодействии с ИИ. Представленная ситуация позволяет сделать вывод, касающийся этических принципов взаимодействия ИИ с человеком: аксиологические противоречия присутствуют не только между правотворчеством и правоприменением, но и внутри самого правотворческого процесса.

Еще одним примером аксиологического противоречия внутри самого правотворческого процесса является рассмотрение в Государственной Думе РФ законопроекта № 950900-7. Законопроектом предлагалось ввести мораторий на действие Федерального закона от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“». В пояснительной записке к законопроекту указывается, что внедрение технологии ИИ содержит в себе риск посягательства на неприкосновенность частной жизни в силу отсутствия гарантий защиты персональных данных граждан от утечки, а также отсутствия гарантий их использования исключительно для обеспечения правопорядка. Кроме того, как указывали авторы законопроекта, за время действия моратория будут ликвидированы правовые пробелы, связанные с ответственностью должностных лиц за возможные нарушения в ненадлежащем использовании результатов технологий искусственного интеллекта⁴⁴.

Причина отклонения проекта оказалась в большей мере технической. В частности, в Заключении Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству (далее — Заключение) дается негативный отзыв на законопроект в силу того, что мораторий предлагается ввести на весь срок действия закона (5 лет). Также в Заключении указывается, что предлагаемое проектом изменение «не согласуется с целью формирования комплексной системы регулирования общественных отношений», связанных с ИИ, которая должна произойти по результатам установления экспериментального правового режима. Судя по тексту Заключения, приведенные авторами законопроекта этические аргументы были, если не проигнорированы, то, во всяком случае, оценены как второстепенные по сравнению с уже встречаемой нами целью эффективности законодательных норм. В данном случае эффективность законодательных норм проявляется в скорейшем и беспрепятственном достижении целей правового регулирования, которое, исходя из текста Заключения, оказывается выше учета интереса граждан. Такой вывод также основывается на безальтернативном негативном отзыве, а не предложении доработки законопроекта, например, в части изменения сроков моратория или изменения сроков проводимого эксперимента⁴⁵.

И в данном случае мы также можем обнаружить не только противоречие между аргументацией авторов законопроекта и авторами отзывов на него, но и противоречие в самой аргументации. Так, авторы Заключения в своем негативном отзыве указывали, что введение моратория не согласуется с целью формирования комплексной системы регулирования общественных отношений, связанных с ИИ. Этот термин авторами Заключения использован неслучайно.

Задача создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий ИИ, была впервые установлена и в настоящее время закреплена в упоминаемой Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. И противоречие заключается в том, что в Национальной стратегии защита прав и свобод человека, к которым апеллировали авторы законопроекта, являются основным принципом развития и использования ИИ (пп. «а» п. 19 Национальной стратегии). Кроме того, согласно п. 51(9) Национальной стратегии, задачу создания упоминаемой комплексной системы нормативно-правового регулирования необходимо решать с учетом обеспечения защиты прав и свобод человека. Аналогичные

⁴⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 950900-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/950900-7> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁵ Заключение Комитета Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству на законопроект № № 950900-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/950900-7> (дата обращения: 20.09.2025).

принципы закрепляются в законе, устанавливающем общие нормы для экспериментальных правовых режимов, — Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Так, в п. 1 ст. 4 этого закона указывается, что принципом установления экспериментальных правовых режимов является недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан. Таким образом, аргументация, представленная в Заклучении, внутренне противоречива. Аргумент создания системы нормативного регулирования ИИ несмотря на риски правам и свободам человека делегитимирует сам замысел создания такой системы, а также не соответствует принципам, установленным в Национальной стратегии.

Однако было бы ошибочным квалифицировать любое правовое регулирование этически значимым. Даже в исследованиях, касающихся этической оценки правовых норм, подчеркивается, что с позиций этики нормы могут быть оценены и как этически окрашенные, и как не имеющие этической окраски⁴⁶. Поэтому часть законопроектов и принятых нормативных актов не могут быть оценены с позиций этики, поскольку не затрагивают соответствующих вопросов. Например, в ходе законопроектной работы при внесении законопроекта № 896438-7, который стал впоследствии уже обсуждавшимся в тексте настоящей статьи Федеральным законом от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования...», в пояснительной записке практически не приводилось аргументов этического характера, кроме аргументов о необходимости выстраивания технологического суверенитета государства в соответствии с политико-программными документами Президента РФ⁴⁷. В этом ряду оказываются также иные нормативные акты, касающиеся регулирования ИИ. Например, Приказ Росстандарта от 25 июля 2019 года № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации „Искусственный интеллект“» содержит нормы сугубо организационного характера, не затрагивающие никаких этических ценностных оснований⁴⁸.

На основе приведенного исследования реализации этических стандартов в практике законопроектной работы в порядке некоторых выводов можно было бы вывести рекомендации, на которые мог бы опираться законодатель в дальнейшей работе по правовому регулированию ИИ. Представляется, что наиболее предпочтительная ситуация состоит в учете тех ценностных установок, которые закреплены в актах «мягкого права» или в уже имеющихся законодательных актах или подзаконных политико-программных документах по тому же самому предмету правового регулирования. И если этические стандарты, установленные источниками «мягкого права», не являются обязательными для отечественного законодателя, то, во всяком случае, нормы не должны противоречить ни по смыслу, ни по этическому содержанию уже существующим нормативным актам, если такие акты выступают общей нормой по отношению к принимаемой специальной норме.

Подводя итог рассмотрения вопроса легитимации (и делегитимации) этических стандартов правового регулирования ИИ, отметим три возможных варианта складывающегося правового регулирования ИИ, используя терминологию аксиологии права (исследование ценностей в праве). Во-первых, для объяснения ситуации соответствия смысла правовых норм этическим стандартам, установленным в любых источниках «жесткого» или «мягкого» права, относящихся к тому же самому предмету правового регулирования, предлагается понятие «аксиологическая (ценностная) когерентность». Во-вторых, ситуацию противоречия смысла правовых норм этическим стандартам предлагается обозначить понятием «аксиологическое противоречие». В-третьих, для ситуаций, когда в ходе правового регулирования затрагиваются лишь вопросы организационного, технического или иного этически нейтрального характера, предлагается понятие «аксиологическая нейтральность». Наиболее предпочтительным исходом из представленных трех стратегий, когда норма может быть этически оценена, представляется ситуация аксиологической когерентности.

⁴⁶ Виноградов В. А., Ларичев А. А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 16. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.4.23. EDN: JKTOTM

⁴⁷ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/896438-7> (дата обращения: 20.09.2025).

⁴⁸ Приказ Росстандарта от 25 июля 2019 года № 1732 «О создании технического комитета по стандартизации „Искусственный интеллект“» // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=735452#RMdfcxUqkreUzNA21> (дата обращения: 20.09.2025).

Выводы

Проведенное исследование показывает, что «мягкое право» в сфере регулирования технологий ИИ выполняет определяющую функцию формирования этических стандартов последующего правового регулирования, опережающих развитие жестких правовых институтов. На международном и региональном уровнях оно закрепляет ориентиры прав человека, прозрачности, справедливости и ответственности, позволяя согласовать позиции государств. На корпоративном уровне такие акты приобретают особое значение за счет самообязывающего характера: нормы создаются и исполняются одними и теми же субъектами, что обеспечивает их фактическую обязательность в пределах организаций. В национальных правопорядках «мягкое право» позволяет гибко адаптировать стратегические документы и кодексы к быстро меняющимся технологическим реалиям, выступая промежуточным звеном между этическими стандартами и законодательными предписаниями. Таким образом, «мягкое право» формирует ценностные основания и задает направления для последующего правового регулирования таких отношений, сохраняя баланс между гибкостью и необходимостью нормативной определенности.

В отношении выводов, касающихся легитимации таких этических стандартов регулирования ИИ в судебной практике и законопроектной деятельности, отметим, что основным объектом рассмотрения стала ситуация аксиологического конфликта. Такая ситуация складывается в данном случае в силу «поспевающего» характера правотворчества и отсутствия системности в отношении правового регулирования ИИ. Внеплановый характер таких законодательных кампаний, отсутствие обязательности норм «мягкого права» и осторожность законодателя по фундаментальным вопросам регулирования ИИ создают проблемы для стабилизации общей стратегии правового регулирования, объединенной устоявшейся и непротиворечивой системой ценностей, которая могла бы легитимировать уже существующие этические стандарты правового регулирования взаимодействия человека с ИИ. Поэтому представляется, что одной из первоочередных проблем в сфере правового регулирования является не только форма выражения правовых предписаний и концептуальная определенность вводимых положений об ИИ, но также и необходимость представлений о приоритетных ценностях, которые должны артикулироваться в целостной стратегии правового регулирования.

Были предложены три основные модели дальнейшего развития законодательства об ИИ: аксиологическая когерентность, аксиологическое противоречие и аксиологическая нейтральность. При этом наиболее предпочтительной представляется ситуация аксиологической когерентности, при которой этические стандарты, установленные в «жестком» или «мягком» праве, учитываются законодателем для создания специальных норм об ИИ.

Список источников

1. Антонович Е. К. Пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109>
2. Ветютнев Ю. Ю. Коммуникативные формы правового признания // Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / Под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 94–103. EDN: VWHZKJ
3. Виноградов В. А. Индекс этичности права как прикладной инструмент оценки соотношения права и морали / В. А. Виноградов, А. А. Ларичев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 4–23. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.4.23. EDN: JKTТОМ
4. Демин А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография. М.: Проспект, 2017. 240 с. EDN: XTETXL
5. Денисенко В. В. Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект / В. В. Денисенко, С. П. Малышкин // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 14–22. DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14. EDN: AJOOJF

6. *Кашлач О. В.* Нормы «мягкого» права: понятие и признаки // Журнал международного права и международных отношений. 2006. № 2. С. 26–32.
7. *Кожокарь И. П.* Техничко-юридические дефекты в российском праве: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Кожокарь И. П. Москва, 2020. С. 167–177.
8. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group, 2024. 200 с.
9. *Ловцов Д. А.* Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи / Д. А. Ловцов, Л. В. Терентьева // Lex Russica. 2020. № 7. С. 115–126. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126>
10. *Матюк Ю. С.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9, № 2. С. 107–115. DOI: 10.17816/RJLS91009
11. *Пляхимович И. И.* Мониторинг законодательства: организационно-правовая модель // Законодательство. 2011. № 2. С. 78–87. EDN: SZFRVN
12. *Стригунова Д. П.* Подрядные договоры в сфере международного строительства // Гражданское право. 2025. № 1. С. 10–13. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-10-13. EDN: MUOVZV
13. *Тарасов И. Н.* Проблемы правового регулирования на примере понятия «искусственный интеллект» // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 122–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130. EDN: TULLZJ
14. *Тихомиров Ю. А.* Юридическое прогнозирование: научно-практическое пособие // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2018. 168 с.
15. *Филипова И. А.* Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 2. С. 54–65. DOI: 10.12737/jzsp.2023.022. EDN: EXKKRP
16. *Фогельсон Ю. Б.* Мягкое право и верховенство права // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 22–33. DOI: 10.12737/6210. EDN: SZFPVF
17. *Харитоновна Ю. С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю. С. Харитоновна, В. С. Савина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524–549. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. EDN: YDGFTN
18. Abbott, K. W., Snidal, D. (2000) Hard and Soft Law in International Governance. *International Organization*, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
19. Guzman, A. T., Meyer, T. (2016) Soft Law. *Economic Analysis of International Law*. Cheltenham, UK; Edward Elgar Publishing. Pp. 123–154.
20. Nolan, J. (2013) The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. *University of New South Wales Faculty of Law Research Series. Working Paper 73*. URL: <http://law.bepress.com/unswwps-flrps13/73P>. Pp. 138–161.

Об авторе:

Рыбин Александр Игоревич, аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация); ORCID: 0009-0007-4735-9087; e-mail: airybin@hse.ru

References

1. Antonovich, E. K. (2019). Torture and other forms of ill-treatment in criminal cases of the European Court of Human Rights. *Pravovedenie*, no. 63 (1), pp. 172–180. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.109> (In Russ.)
2. Vetyutnev, Yu. Y. (2016) Communicative forms of legal recognition // The principle of formal equality and mutual recognition of law: a collective monograph. Pp. 94–104. (In Russ.)

3. Vinogradov, V. A., Larichev, A. A. (2022) The Index of Ethicality of The Law as an Applied Tool for Assessing the Correlation Between Law and Morality. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 5, pp. 4–23. (In Russ.).
4. Demin, A. V. (2017) “Soft law” in the era of change: the experience of comparative research: a monograph. Moscow: *Prospekt*. 240 p. (In Russ.)
5. Denisenko, V. V., Malyshkin, S. P. (2024) Legitimation of law enforcement activity: axiological aspect. *Russian justice*, no. 8, pp. 14–22. (In Russ.) DOI: 10.52433/01316761_2024_08_14
6. Kashlach, O. V. (2006) Norms of “Soft” Law: Concept and Features. *International Law*, no. 2, pp. 26–32. (In Russ.)
7. Kozhokar, I. P. (2020) Technical and legal defects in Russian law. Pp. 167–177. (In Russ.)
8. Neznamova, A. V. (eds) (2024) *Belaia kniga etiki v sfere iskusstvennogo intellekta. Nova Creative Group*. 200 p. (In Russ.)
9. Lovtsov, D. A., Terentjeva, L. V. (2020) Legal Regulation of International Commercial Electronic Contracts. Technological and Legal Aspects of Electronic Signature. *Lex Russica*, no. 7, pp. 115–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126>
10. Matyuk, Y. S. (2022) Legal Regulation of Artificial Intelligence: Foreign Practices. *Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*, vol. 9, no. 2, pp. 107–115. (In Russ.). DOI: 10.17816/RJLS91009
11. Pliakhimovich, I. I. (2011) Monitoring of Legislation: Legal Structural Pattern. *Zakonodatelstvo*, no. 2, pp. 78–87. (In Russ.).
12. Strigunova, D. P. (2025) Owner-Contractor Agreements in International Construction. *Grazhdanskoe pravo*, no. 1, pp. 10–13. (In Russ.). DOI: 10.18572/2070-2140-2025-1-10-13
13. Tarasov, I. N. (2022) Problems of Legal Regulation as in The Case of The Concept of “Artificial Intelligence”. *Lex Russica*, vol. 75, no. 1, pp. 122–130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.122-130
14. Tikhomirov, Yu. A. (2018) Legal Prognostication: Scientific and practical guide. *Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation*. 168 p. (In Russ.)
15. Filipova, I. A. (2023) Artificial intelligence: A European approach to regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, vol. 19, no. 2, pp. 54–65. (In Russ.). DOI: 10.12737/jzsp.2023.022
16. Fogel’son, Yu. B. (2014) Soft law and the rule of law. *Journal of Russian Law*, no. 11 (215), pp. 22–33. (In Russ.). DOI: 10.12737/6210
17. Kharitonova, Y. S., Savina, V. S. (2020) Artificial intelligence technology and law: challenges of our time. *Vestnik permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 49, pp. 524–549. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549
18. Abbott, K. W., Snidal, D. (2000) Hard and Soft Law in International Governance. *International Organization*, vol. 54, no. 3, pp. 421–456.
19. Guzman, A. T., Meyer, T. (2016) *Soft Law. Economic Analysis of International Law*. Cheltenham, UK; *Edward Elgar Publishing*. Pp. 123–154.
20. Nolan, J. (2013) The Corporate Responsibility to Respect Human Rights: Soft Law or Not Law. *University of New South Wales Faculty of Law Research Series 2013. Working Paper 73*. URL: <http://law.bepress.com/unswwps-flrps13/73P>. Pp. 138–161.

About the author:

Aleksandr I. Rybin, postgraduate student of the Department of Theory of Law and Comparative of the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University) (Moscow, Russian Federation); ORCID: 0009-0007-4735-9087; e-mail: airybin@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.